

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АКЦЕНТНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ЧЖАО НАНЬНАНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются закономерности структурно-семантической организации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе на материале текстов выступлений политических лидеров России и Китая. Используются описательный, сравнительно-сопоставительный, статистический методы. Установлено, что категория акцентности в русском и китайском политическом дискурсе формируется микрополями оценки, усиления, активизации внимания, уточнения и категоричности/некатегоричности. Указано, что каждое микрополе имеет особую структуру, образуемую специфическим набором ядерных и периферийных акцентуаторов. Выявлены закономерности в распределении акцентирующих языковых единиц по названным микрополям: оценка больше проявляется на лексическом уровне, а активизация внимания адресата реализуется преимущественно на синтаксическом уровне; прилагательные чаще используются как средство оценки, а наречия употребляются главным образом в усилительном значении; союзы активно применяются для выражения уточнения, а частицы характерны для экспликации категоричности. Показано, что микрополя категории акцентности не существуют изолированно: они взаимодействуют, дополняют и усиливают значения друг друга, что проявляется в наличии акцентуаторов, выполняющих одновременно несколько функций и входящих в несколько микрополей. Сделан вывод о сходстве структурно-семантического устройства поля акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. Отмечено, что различия касаются статистических закономерностей и заключаются в частотности употребления акцентуаторов (например, использование союзов, наречий и частиц в большей мере характерно для русских текстов, а в китайских выступлениях существенно преобладают акцентирующие метакоммуникативные конструкции).

Ключевые слова: акцентность; акцентуатор; политический дискурс; русский язык; китайский язык.

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ КАТЭГОРЫІ АКЦЭНТНАСЦІ Ў РУСКІМ І КІТАЙСКІМ ПАЛІТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

ЧЖАА НАНЬНАНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выяўляюцца заканамернасці структурна-семантычнай арганізацыі катэгорыі акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе на матэрыяле тэкстаў выступленняў палітычных лідараў Расіі і Кітая. Выкарыстаны апісальны, параўнальна-супастаўляльны, статыстычны метады. Вызначана, што катэгорыя акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе фарміруецца мікрапалямі ацэнкі, ўзмацнення, актывізацыі ўвагі, удакладнення і катэгарычнасці/некатэгарычнасці. Паказана, што кожнае мікраполе мае асобную структуру, якая ўтвараецца спецыфічным наборам ядзерных і перыферычных акцэнтгатаў. Акрэслены заканамернасці ў размеркаванні

Образец цитирования:

Чжао Наньнань. Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 103–113.

For citation:

Zhao Nannan. Structural and semantic organization of the accentuation category in Russian and Chinese political discourse. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 103–113 (in Russ.).

Автор:

Чжао Наньнань – аспирантка кафедры прикладной лингвистики филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. Н. Савчук.

Author:

Zhao Nannan, postgraduate student at the department of applied linguistics, faculty of philology.
zhaonannan@mail.ru

акцэнтуючых моўных адзінак па названых мікрапалях: ацэнка праяўляецца пераважна на лексічным узроўні, а актывізацыя ўвагі адрасата рэалізуецца галоўным чынам на сінтаксічным узроўні; прыметнікі часцей выкарыстоўваюцца як сродак ацэнкі, а прыслоўі ўжываюцца перш за ўсё ва ўзмацняльным значэнні; злучнікі актыўна выкарыстоўваюцца для выражэння ўдакладнення, а часціцы характэрныя для эксплікацыі катэгарычнасці. Адзначана, што мікрапалі катэгорыі акцэнтнасці не існуюць ізалявана: яны ўзаемадзейнічаюць, дапаўняюць і ўзмацняюць адзін аднаго, што праяўляецца ў наяўнасці акцэнтутатараў, якія выконваюць адначасова некалькі функцый і ўваходзяць у некалькі мікрапалёў. Зроблена выснова пра падабенства структурна-смантычнай арганізацыі поля акцэнтнасці ў рускім і кітайскім дыскурсах. Сцвярджаецца, што адрозненні датычацца статыстычных заканамернасцей і заключаюцца ў частотнасці ўжывання акцэнтутатараў (напрыклад, выкарыстанне злучнікаў, прыслоўяў і часціц у большай ступені характэрна для рускіх тэкстаў, а ў кітайскіх выступленнях істотна пераважаюць акцэнтуючыя метакамунікатыўныя канструкцыі).

Ключавыя словы: акцэнтнасць; акцэнтутатар; палітычны дыскурс; руская мова; кітайская мова.

STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION OF THE ACCENTUATION CATEGORY IN RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL DISCOURSE

ZHAO NANNAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article demonstrates structural and semantic organization patterns of the accentuation category in Russian and Chinese political discourse. Speeches of Russian and Chinese political leaders constituted the material for the research. The analysis is carried out with the help of descriptive methods, contrastive-comparative analysis, statistical method. It has been established that the accentuation categories in Russian and Chinese political discourse are formed by five micro-fields: evaluation, emphasis, attention activation, specifications and categoricity/non-categoricity. Each micro-field has a special structure formed by a specific set of core and peripheral accentuators. Certain patterns are revealed at distributing accentuating linguistic units according to the named micro-fields. Thus, evaluation is more common for the lexical level, and addressee's attention activation is predominantly realized at the syntactic level. Adjectives are used more for evaluation, adverbs are more common for emphasis. Conjunctions are widely used for specifications, and particles are typical for categoricity explication. Micro-fields of the accentuation category do not exist in isolation: they intercommunicate, complement each other and emphasize each other. It is demonstrated by the existence of accentuators performing several functions from several micro-fields simultaneously. The contrastive analysis resulted in the conclusion about the similarity of structural and semantic structures of accentuation fields in discourses in the Russian and the Chinese languages. Differences concern statistic patterns and involve the frequency of usage of accentuators (for example, usage of conjunctions, adverbs and particles is more typical for texts in the Russian language, and accentuating metacommunicative constructions predominate in Chinese speeches).

Key words: accents; accentuation, accentuator; political discourse; the Russian language; the Chinese language.

Введение

Важную роль в коммуникативном взаимодействии играет акцентирование, или акцентность¹, – категория, обозначающая смысловое выделение (актуализацию) значимых, по мнению автора, моментов содержания речи, привлечение к ним внимания аудитории. Расстановка смысловых акцентов в речевом акте способствует лучшему пониманию адресатом замысла говорящего, что, в свою очередь, позволяет достичь согласованности и эффективности во взаимодействии между отправителем и получателем сообщения. Для реализации акцентирования используются разноуровневые языковые средства, называемые акцентуаторами².

Категория акцентности исследуется в разных направлениях: как функциональная семантико-стилистическая категория (М. Н. Кожина), коммуникативно-прагматический феномен (И. И. Сущинский), разновидность риторических фигур (В. П. Москвин) (подробнее об этом см. в [1]).

В центре внимания ученых оказываются отдельные аспекты акцентирования, связанные с категорией оценки (Е. А. Баженова, Е. М. Вольф, Е. Л. Зайцева, Цзэн Тин), выражением категоричности/некатегоричности (А. В. Аль Шибани, Н. С. Миланчук, Чжан Цзинхань), приемами убеждающего воздействия (Е. Н. Василенко, К. Ю. Малышкин, Чжань Сяосюе). Предметом анализа становятся отдель-

¹Термин «акцентность» в научное употребление введен М. Н. Кожиной.

²Термин «акцентуатор» в данном значении ввел в лингвистику И. И. Сущинский.

ные способы акцентного выделения, чаще всего семантический повтор (Ан Мэйли, Е. В. Афанасенко, Т. И. Громогласова, И. А. Змиевская), средства выражения усиления (А. А. Ефимова, А. К. Куцева, Е. В. Терентьева, Чжань Мэнцзинь, Ян Пэйсун).

Исследование акцентности осуществляется на материале научных текстов (Т. Б. Иванова, Т. В. Матвеева, Т. М. Николаева), произведений художественной литературы (О. Р. Жерновая, Е. В. Кечик, Н. Л. Романова), разноплановых видов коммуникации, включая бытовой дискурс (О. Г. Бровеев, И. И. Сушинский). Имеются единичные работы, касающиеся проявлений акцентности в политической речи (Е. В. Афанасенко, О. А. Гусева, Н. Н. Добрякова). Однако, исходя из специфики политического дискурса, закономерно предположить, что именно в этой сфере феномен акцентирования должен проявляться особенно ярко.

В известных нам исследованиях акцентность рассматривается на материале одного языка. Вместе с тем актуальным является сравнительно-сопоставительное изучение данной категории, в частности в русско- и китайскоязычной коммуникации: сопоставительный анализ акцентности на уровне лексики, грамматики и прагматики «позволяет вскрыть ряд глубинных закономерностей и тенденций в отображении объективного мира людьми, говорящими на различных языках» [2, с. 89].

Цель данной статьи – выявить закономерности структурно-семантической организации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. Для достижения указанной цели в исследовании ставятся следующие задачи: определить состав и содержательное наполнение структурообразующих компонентов поля акцентности; выявить структурно-семантические особенности каждого микрополя категории акцентности; описать лексико-грамматические свойства акцентирующих языковых единиц и прагматические характеристики разных видов акцентуаторов, относящихся к выявленным микрополям; установить сходство и различия в способах выражения акцентности в русском и китайском политическом дискурсе.

Для решения поставленных задач использовался комплекс исследовательских методов: сравнительно-сопоставительный анализ, описательный и статистический методы.

Источником фактического материала стали тексты 50 выступлений политических лидеров России и Китая (25 текстов на русском и 25 китайском языке) за 2000–2017 гг. Было проанализировано 4009 речевых единиц с акцентирующим значением (1871 русских и 2148 китайских), извлеченных методом сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужила концепция Т. Б. Ивановой, основанная на методе полевого структурирования [3]. Исходя из данной методологии мы также рассматриваем категорию акцентности как совокупность пяти микрополей: оценки, усиления, активизации внимания адресата, уточнения и категоричности/некатегоричности. Вместе с тем содержание микрополей, набор языковых единиц, составляющих каждое из них, а также значимость каждого отдельного микрополя в исследуемом нами политическом дискурсе отличаются от предложенных Т. Б. Ивановой. Объясняется это типологической спецификой дискурса: концепция Т. Б. Ивановой создана на основе научного стиля, для которого характерна наибольшая значимость микрополя уточнения, в то время как для политического дискурса наиболее значимо микрополе оценки. Кроме того, количественный и качественный состав языковых единиц каждого микрополя также существенно различается в разных дискурсах.

В таблице представлены статистические данные об употребительности языковых единиц, образующих категорию акцентности в русских выступлениях (далее – РВ) и китайских выступлениях (далее – КВ). Как видно из таблицы, максимальное количество единиц приходится на микрополе оценки: 59,11 % в РВ и 64,52 % в КВ. В свою очередь микрополе категоричности/некатегоричности представлено наименьшим количеством единиц: 7,65 % в РВ и 5,77 % в КВ.

Структура категории акцентности

Structure of accentuation category

Составляющие категории акцентности	Русские выступления		Китайские выступления	
	Количество единиц	%	Количество единиц	%
Микрополе оценки	1106	59,11	1386	64,52
Микрополе усиления	285	15,23	300	13,97
Микрополе активизации внимания адресата	189	10,10	224	10,12
Микрополе уточнения	148	7,91	114	5,31
Микрополе категоричности/некатегоричности	143	7,65	124	5,77
Всего	1871	100	2148	100

Характеристика структурных элементов категории акцентности

1. Микрополе оценки. Данное микрополе составляют акцентуаторы, объединенные оценочной семантикой и выражающие положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Микрополе оценки является самым большим компонентом поля акцентности, что связано, на наш взгляд, с целевой установкой политического выступления – убедить массового адресата в справедливости своих суждений, воздействовать на систему ценностей слушателей, добиться их расположения, привлечь адресата на свою сторону. Для выражения оценки в политическом дискурсе используются определенные средства. Рассмотрим их более подробно.

1.1. Оценочные прилагательные. Указанная группа акцентуаторов является самой многочисленной в русском и китайском политическом дискурсе. В китайской речи количество случаев употребления прилагательных с аксиологической семантикой несколько больше, чем в русской: 44,23 против 37,25 % соответственно. В силу частотности употребления некоторых прилагательных образуются устойчивые дискурсивные формулы, которые включают адъективные лексемы с положительной оценкой (рус. *весомый вклад*, *серьезный успех*, *большое значение*; кит. 积极参与 ‘активное участие’³, 万分愉悦 ‘большая радость, 真挚祝福 ‘искреннее поздравление’) и отрицательной оценкой (рус. *тяжелое состояние*; *безответственные и агрессивные заявления*, *неэффективное государство*; кит. 任务艰巨 ‘нелегкие задачи’, 沉重打击 ‘тяжелый удар’, 曲折和艰苦的发展历程 ‘извилистый и трудный путь развития’).

Оценка, выражаемая прилагательными, может иметь разную степень интенсивности. Например, рус. *И нет сомнений, что богатая летопись наших давних связей в этом году пополнится новыми яркими страницами* (РВ-1, с. 156); кит. 在此, 我谨代表中国驻俄大使馆对你们卓越的工作表示最崇高的敬意和衷心的感谢 ‘Здесь от имени посольства КНР в России я выражаю **высокое** уважение и **искреннюю** благодарность за ваш **выдающийся** труд’ (КВ-1).

Употребление позитивно-оценочных прилагательных превышает частотность отрицательных оценок (64 к 36 % соответственно в РВ, 73 к 27 % соответственно в КВ). Это объясняется, вероятно, тем, что оратор-политик, воздействуя на аудиторию, чаще стремится к созданию положительного образа ситуации, формированию позитивного эмоционального настроя слушателей, чтобы заручиться их поддержкой и приобрести максимальное количество сторонников.

1.2. Оценочные наречия. Как и оценочные прилагательные, данный вид наречий относится к ядерным аксиологическим средствам (24,75 и 27,94 % в русской и китайской речи соответственно). Они не только передают оценочный смысл, но и усиливают эмоциональную интенцию говорящего. Акцентирующие наречия передают как положительную оценку (рус. *хорошо* понимать, *искренне* хотеть, *прекрасно* знать; кит. 积极推动 ‘активно продвигать’, 着力发展 ‘старательно развивать’, 清楚地认识 ‘трезво сознать’), так и отрицательную (рус. *недостаточно* работать, *трудно* встретить; кит. 剧烈震荡 ‘резко колебаться’, 心情特别沉重 ‘особенно тяжело на душе’).

Наречные акцентуаторы передают разные типы оценок по характеру и интенсивности: рус. *Эти чувства неразрывно связаны с судьбой Отечества* (РВ-2, с. 48); *Еще раз сердечно поздравляю всех вас с высокими наградами Родины* (РВ-3, с. 74); кит. 人民生活水平显著提高, 改善民生力度不断加大 ‘Заметно повысился уровень жизни народа, **непрерывно** усиливалась динамика улучшения жизни населения’ (КВ-2).

1.3. Оценочные существительные. Данная группа также играет важную роль в политическом дискурсе (17,72 и 14,57 % в русской и китайской речи соответственно). Эти существительные имеют денотативную оценочность и, как правило, публицистическую окраску (рус. *радость*, *справедливость*, *выгода*; кит. 互利 ‘взаимная выгода’, 共赢 ‘всеобщий выигрыш’ и др.). Например, рус. *Сегодня, открывая памятник, мы испытываем гордость...* (РВ-2, с. 49); *В вашу честь цветы, салюты и мощь парадных расчетов...* (РВ-3, с. 72); кит. 中俄两国将维护国际公平与正义 ‘Китай и Россия будут отстаивать международную **справедливость** и **равенство**’ (КВ-3).

1.4. Компаративы и суперлативы. Данные средства являются неотъемлемой частью микрополя оценки (зафиксировано 7,14 % в РВ и 5,77 % в КВ). Формы сравнительной и превосходной степени прилагательного и наречия, с одной стороны, отражают «объективно существующие параметрические характеристики двух и более сравниваемых между собой объектов действительности», а с другой – «компаратив в составе оценочного предиката имеет непосредственное отношение к интенсификации высказывания и является при этом языковым средством субъективной оценки» [4, с. 223]. Например, рус. *Мы благодарим наших ветеранов... В этот великий день нет никого **роднее**, **дороже** вас* (РВ-3, с. 74); кит. 更为重要的是 商品和知识交流带来了观念创新 ‘Что **гораздо важнее**, обмен товарами и знаниями приносил новые идеи’ (КВ-4).

³Здесь и далее перевод наш. – Ч. Н.

1.5. Метафора. Как переносное значение слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений, метафора используется в политических выступлениях в составе аксиологических акцентуаторов. Метафора в ораторской речи – это мощная фигура, которая придает высказыванию образность и экспрессивность. Частотность употребления метафор в РВ в три раза выше, чем в КВ (15,42 против 5,41 % соответственно). Например, рус. *В Крыму буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью* (РВ-4, с. 3); *В вашу честь цветы, салюты... но главное, мы отдаем Вам тепло наших сердец* (РВ-5, с. 13); кит. 让我们以杭州为新起点, 引领世界经济的航船, 从钱塘江畔再次扬帆启航, 驶向更加广阔的大海! ‘Пусть Ханчжоуский саммит станет новой точкой отсчета, которая поведет корабль мировой экономики в новое плавание’ (КВ-5).

1.6. Фразеологизмы. Устойчивые выражения с образно-оценочной семантикой расположены на периферии микрополя оценки (зафиксировано 4,25 % в РВ и 5,27 % в КВ). В русских текстах используются фразеологизмы разных видов, например: *Они же прекрасно знали, что и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей. Насколько нужно потерять политическое чутье и чувство меры, чтобы не предвидеть всех последствий своих действий* (РВ-4, с. 5).

В китайском речевом материале также представлены все типы фразеологизмов – (фразеологическое сочетание (惯用语 <гуаньюньюй>): 我相信, 中俄两国人民将同各国人民一道, 牢记历史, 开创未来 ‘Я уверен в том, что народы Китая и России вместе с народами других стран будут помнить историю и открывать будущее’ (КВ-6); пословицы (谚语 <яньюй>): 靡不有初, 鲜克有终 ‘Нет недостатка в тех, кто хорошо начинает дело, но не хватает тех, кто по-хорошему доводит дело до конца’ (КВ-7).

2. Микрополе усиления. Усиление в политическом дискурсе выполняет функцию привнесения дополнительных оттенков смысла, подчеркивания коммуникативно значимых элементов речи [5, с. 121]. В качестве акцентуаторов усиления используются преимущественно морфологические и синтаксические средства.

2.1. Интенсифицирующие части речи. Центральное положение в микрополе усиления занимают наречия меры и степени, процент которых значительно ниже в русских текстах, чем в китайских (44,25 % в РВ и 63,11 % в КВ). В политических выступлениях широко употребляются такие наречия, как рус. *особенно, очень, всегда, никогда*; кит. 特别 ‘особенно’, 非常 ‘очень’, 倍加 ‘вдвойне’. Усиленные наречия нередко соединяются с оценочными прилагательными и наречиями, что указывает на тесную связь категорий оценки и усиления: рус. *всегда останутся, очень рассчитываю, особенно важно*; кит. 倍加珍惜 ‘тысячекратно ценить’, 大力激发 ‘всячески активизировать’, 更大 ‘намного сильнее’, 异常艰难 ‘чрезвычайно тяжелые’ и т. д.

Вторую по частотности группу акцентуаторов составляют усиительные частицы: рус. *даже, ведь, все-таки*; кит. 还是 ‘все-таки’, 完全 ‘просто’, 简直 ‘прямо’ и т. д. Больше таких единиц зафиксировано в русских текстах (21,4 и 17,67 % в РВ и КВ) соответственно. Возможно, это связано с тем, что в китайском языке частицы не свойственны официальной речи и редко встречаются в выступлениях китайских политиков. Например, рус. *Вы знаете, я просто не могу себе представить, что мы будем ездить в Севастополь в гости к натовским морякам* (РВ-4, с. 7); кит. ...30 次是研究改革相关的议题, 即使是其他议题我们也是在用改革的精神研究和推进的 ‘...30 из них (‘заседаний Госсовета КНР. – Ч. Н.) были посвящены рассмотрению связанных с реформами вопросов, даже другие вопросы рассматриваются и продвигаются в соответствии с духом реформ’ (КВ-8).

На периферии интенсифицирующих частей речи расположено указательное местоимение *такой* (6,67 % в РВ и 4 % в КВ). Максимальное усиление степени качества, выражаемое словом *такой*, достигается благодаря повторению данной лексемы: рус. *И народ России показал такую зрелость и такую силу, своей сплоченностью поддержал соотечественников* (РВ-4, с. 5); кит. 各国之间的联系从来没有像今天这样紧密, 世界人民对美好生活的向往从来没有像今天这样强烈, 人类战胜困难的手段从来没有像今天这样丰富 ‘Никогда еще мы не видели таких тесных связей между странами, как сегодня, такого сильного стремления людей к лучшей жизни, и никогда у человечества не было такого разнообразия способов преодоления трудностей’ (КВ-9).

2.2. Повтор. Это синтаксическое средство усиления значительно чаще встречается в русских текстах, чем в китайских (13,33 % в КВ и 8,67 % в КВ). В проанализированном материале отмечены различные виды повторов. В акцентирующих конструкциях данного типа имеет место грамматическое варьирование, а также дублирование смежных высказываний – параллелизм. Например, рус. *Сюда пришло, несмотря на ненастную погоду, большое количество людей. Десятки тысяч людей. Это символично, хочу обратить внимание, что сюда пришли разные люди. Сюда пришли разные люди по возрасту, по национальности, по вероисповеданию. Мужчины и женщины. И это символично, что мы собрались именно сегодня – 23 февраля, в День защитника Отечества, потому что мы с вами и есть сегодня в эти дни действительно защитники нашего Отечества* (РВ-5, с. 13); кит. 俄罗斯是横跨欧亚大陆的世界大国... 同时, 俄罗斯还是一个海洋强国... 俄罗斯是共建 «一带一路» 构想最重

要的國家之一 ‘Исторически некоторые отрезки Великого шелкового пути проходили через территорию России. <...> **Россия – это** держава, которая пересекает Евразийский континент... **Россия – это** крупная морская держава с развитой добычей нефти и газа. <...> **Россия является** мировым лидером в области полярных и морских научных исследований. <...> **Россия, бесспорно, является** ключевой страной в деле совместного строительства «одного пояса и одного пути»’ (KB-9).

Как особый вид повтора можно рассматривать речевые конструкции, которые включают контактно расположенные семантические эквивалентные глаголы, различающиеся грамматическими (видо-временными, модальными) формами: рус. *я могу обещать и обещаю; всегда были и всегда останутся; отстаивал и намерен отстаивать*; кит. 过去现在将来永远都是 ‘была, есть и навсегда останется’; 曾经是并将永远成为 ‘был и всегда будет’. В процентном соотношении наблюдается существенное преобладание таких акцентуаторов в выступлениях российских политиков по сравнению с речью китайских политиков (6,2 против 1,07 % соответственно). Например, рус. *Прошло 69 лет, как закончилась Великая Отечественная война, но 9 мая **был, есть и будет** нашим главным праздником* (PB-4, с. 2); кит. 中国以自己的实际行动已经并将继续证明, 中国是维护地区和世界和平, 促进地区和世界发展的坚定力量 ‘Китай своими практическими действиями **показал и покажет**, что он является надежной защитой регионального и международного мира и продвижения регионального и мирового развития’ (KB-10).

2.3. Выражения-интенсивы. Данная группа (6,32 % в PB и 7,33 % в KB) представлена лексико-грамматическими акцентуаторами, как правило включающими в свой состав отрицание *не, ни, нет*, типа рус. *все равно не; вовсе не; без... невозможно*; кит. 无论如何都 ‘ни в коем случае не’, 绝对不会 ‘совсем нет’: рус. *Что-то **не** припомню из истории **ни одного случая**, чтобы интервенция проходила без единого выстрела и без человеческих жертв* (PB-4, с. 3); кит. 这充分体现了总统先生及哈萨克斯坦政府致力于促进地区和平与安全的坚定理想和政治热情 ‘Это в **полной мере** продемонстрировало твердое стремление и политический энтузиазм господина президента и правительства Казахстана к содействию региональному миру и безопасности’ (KB-10); 联合国安理会决议应该得到完整执行, 任何国家不能越权行事 ‘Резолюции СБ ООН должны быть полностью выполнены, **ни одна страна не должна** действовать в обход этих документов’ (KB-11).

2.4. Компаративы и суперлативы. Основной функцией компаративов и суперлативов (7,72 % в PB и 5,33 % в KB) является усиление воздействия на адресата. Например, рус. *Для российских туристов китайское направление также одно из **самых привлекательных*** (PB-6, с. 69); кит. 我在同艾滋病病人接触时感受最深的是, 他们不仅要忍受疾病的痛苦折磨, 还要承受来自社会的巨大压力 ‘При контакте с людьми, живущими с ВИЧ, меня **больше всего** волнует то, что эти люди вынуждены страдать не только от самой болезни, но и терпеть большое давление со стороны общества’ (KB-7).

2.5. Коллокации. Термин «коллокации» обозначает «сочетания слов, в которых один компонент (опорный, или основной, несвободный) определяется смыслом сообщения, его темой и фразеологизировует сочетание, а другой компонент (свободный) характеризует опорное слово и является семантически ключевым словом» [6, с. 77]: рус. *с особым чувством, в полном соответствии с*; кит. 如出一辙 ‘то же самое’, 无一例外 ‘всех без исключения’, 与此同时 ‘вместе с тем’. Коллокации незначительно преобладают в русском речевом материале (4,91 % в PB и 3,33 % в KB).

Клишированные словосочетания с усилительным смыслом регулярно повторяются в разных коммуникативных ситуациях. Не имея образного значения, коллокации характеризуются воспроизводимостью и структурно-семантической устойчивостью: рус. *16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошел в **полном соответствии с** демократическими процедурами и международно-правовыми нормами* (PB-4, с. 4); кит. 与此同时, 在第二次世界大战亚洲太平洋主战场上, 中国人民同日本侵略者进行了 8 年艰苦卓绝的斗争, 3 5 0 0 万中华儿女为国捐躯 ‘**Вместе с тем** на главном поле боя антифашистской войны в Азии и Тихом океане военные и мирные граждане Китая вели восьмилетнюю затяжную упорную борьбу...’ (KB-5).

3. Микрополе активизации внимания адресата. Языковые средства данного микрополя выполняют функции «облегчения коммуникативно-прагматической ориентации адресата в тексте, создания благоприятных условий для целенаправленного восприятия информации, усиления речевого воздействия на адресата, обеспечения согласованности между коммуникантами» [5, с. 121].

3.1. Языковые средства диалогичности. Это самые частотные в микрополе средства активизации внимания (70,37 % в PB и 67,76 % в KB). К ним относятся два типа выражений:

а) Метакоммуникативные конструкции (75,28 % в PB и 68,72 % в KB), которые описывают коммуникацию, направляют внимание слушателя и читателя, организуют «управление динамикой интеракции», характеризуются «высокой степенью конвенциональности, служащей установлению, поддержанию и замыканию коммуникативного контакта» [7, с. 146]: рус. *я хочу напомнить...; я обращаюсь и к...; кит. 强调指出 ‘хочу отметить’, 在此强调 ‘хочу это подчеркнуть’. Например, рус. *Сегодня можно**

открыто говорить, я хочу с вами поделиться деталями переговоров, проходившими в начале 2000-х годов (РВ-7, с. 20); кит. 我愿在此重申, 中国坚决谴责和反对一切形式的恐怖主义, 积极参与国际社会反对恐怖主义的努力和行动, 与有关国家及组织开展了卓有成效的合作 ‘Здесь я хотел бы подтвердить, что Китай решительно осуждает терроризм и выступает против всех его проявлений...’ (КВ-1);

б) Обращения, которые являются обязательным элементом политической речи, поскольку выполняют этикетную функцию. Помимо установления и поддержания контакта с аудиторией, обращение привлекает внимание адресата к важным аспектам содержания речи (24,72 % в РВ и 31,28 % в КВ): рус. *дорогие друзья, уважаемые коллеги, уважаемые граждане России*; кит. 女士们, 先生们 ‘дамы и господа’, 尊敬的总理, 秘书长 ‘уважаемый президент / господин генеральный секретарь’, 尊敬的各位贵宾, 女士们, 先生们, 朋友们 ‘уважаемые высокие гости, дамы и господа, друзья’. Например, рус. *Дорогие друзья! Сегодня мы склоняем головы перед Памятью погибших...* (РВ-8, с. 62); кит. 尊敬的哈珀总理, 各位同事: 很高兴来到多伦多参加二十国集团领导人第四次峰会, 同各位同事共同讨论推动世界经济全面复苏这个重大议题 ‘Уважаемый господин премьер-министр Канады Стивен Харпер! Уважаемые коллеги! Очень рад принять участие в четвертом саммите «Группы 20» в Торонто...’ (КВ-4).

3.2. Вопросительные предложения. Высказывания, содержащие вопрос, помогают сфокусировать внимание адресата на той части информации, которая, по мнению автора, наиболее важна (13,55 % в РВ, 9,87 % в КВ). В некоторых случаях адресант задает вопрос и сам на него отвечает: рус. *Однако что же мы слышим сегодня от наших коллег из Западной Европы, из Северной Америки? Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права* (РВ-4, с. 6); кит. 如何使人类拥有一个和平安宁、共享繁荣的21世纪? 为此, 我愿提出以下几点看法 ‘Как дать возможность человечеству жить в XXI веке, характеризующемся миром, безопасностью и общим процветанием? По этому вопросу я бы высказал свое мнение’ (КВ-8). В других ситуациях вопрос ставится как риторический: рус. *В самом деле, разве можно оставить неприкосновенным землевладение немецких колонистов?* (РВ-7, с. 19); кит. 商业贿赂不除, 何谈民族复兴? ‘Как мы сможем реализовать национальное возрождение, не устранив взяточничество?’ (КВ-5).

3.3. Модально-оценочные конструкции. Модально-оценочные конструкции являются главным средством синтаксического акцентирования микрополя активизации внимания адресата в политической речи (12,92 % в РВ, 8,21 % в КВ). К акцентуаторам данного микрополя относятся следующие устойчивые выражения: рус. *главное, что...; предельно ясно, что...; что гораздо важнее...*; кит. 我们一致认为 ‘по нашей общей оценке’; 对...很重要 ‘нам важно, что...’; 更为重要的是 ‘что гораздо важнее, это...’. Например, рус. *Важно, что в орбиту этих связей входят все новые и новые регионы России, в том числе и Закавказье* (РВ-1, с. 160); кит. 我们应该牢固树立人力资源是经济社会发展第一资源的理念... ‘Мы должны прочно внедрить в себя убеждение, что человеческие ресурсы являются ресурсами первой важности для социально-экономического развития...’ (КВ-6).

3.4. Инверсия. Инверсией логически выделяется наиболее существенная, с точки зрения автора, идея (12,36 % в РВ и в 9,74 % в КВ). Усиливая смысловую нагрузку высказывания, автор как бы акцентирует мысль о правильности именно такого суждения, тем самым выражая уверенность в правильности высказанной идеи. В проанализированном материале особенно часто встречается инверсия в положительно-оценочных конструкциях: рус. *огромную роль в... играет...; весомый вклад в... вносит...; большие надежды возлагаем на...; кит. 原因在于 ‘поводом для... стал’; 首要任务是 ‘главной задачей является...’; 根本矛盾在于 ‘крупнейшим дисбалансом является...’. Например, рус. *Главной силой поступательного, динамичного развития столицы является энергия самих ее жителей* (РВ-9, с. 102); кит. 上海合作组织实业家委员会为经贸合作的发展作出了巨大贡献 ‘Весомый вклад в развитие экономического сотрудничества вносит Деловой совет Шанхайской организации’ (КВ-7).*

3.5. Языковые средства логичности изложения. Авторы политических выступлений стремятся к тому, чтобы выражаемые ими идеи воспринимались слушателем не просто как собственное субъективное мнение говорящего, а как знание, предполагающее объективность, достоверность сообщаемых сведений. Для этого в политической речи используются языковые средства логичности изложения (6,18 % среди РВ и 17,44 % среди КВ): рус. *прежде всего, во-первых, наконец*; кит. 除此之外 ‘кроме того’, 如上所述 ‘как уже было сказано’, 最后 ‘в заключение’. Например, рус. *Кстати говоря, мы не против сотрудничества с НАТО...* (РВ-4, с. 2); кит. 首先是目标明确, 就是要完善和发展中国特色社会主义制度, 推进国家治理体系和治理能力现代化 ‘Во-первых, имеются четкие цели, а именно, совершенствование и развитие системы социализма с китайской спецификой...’ (КВ-8).

4. Микрополе уточнения. Функцией уточнения является «акцентирование актуальных логико-смысловых отношений – сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.» [5, с. 120–121]. Стремление к предельной точности, ясности изложения реализуется в политическом дискурсе с помощью морфологических и синтаксических акцентуаторов.

4.1. Уточняющие наречия и частицы. Среди уточняющих наречий и частиц (47,30 % в РВ и 42,11 % в КВ) выделяются две группы:

а) обстоятельственные наречия *уже, только*, которые употребляются при указании на окончательное совершение, наступление, выполнение чего-либо;

б) частицы *именно, правда*, усиливающие степень уточнения и выражающие решительное подтверждение. Например, рус. *В России уже осуществляются сотни китайских инвестиционных проектов* (РВ-1, с. 156); кит. 有妇女儿童的健康, 我们才会有美好的未来 ‘**Только** при наличии хорошего здоровья женщин и детей у нас будет прекрасное будущее!’ (КВ-7).

4.2. Уточняющие союзы. Среди уточняющих союзов (33,78 % в РВ и 37,72 % в КВ) выделяют три группы:

а) союзы с противительно-отрицательным значением (рус. *не... а; не... но; ...а не*; кит. ...并非 ‘...а не’; ...不是 ‘...но не’);

б) союзы с градиционно-сопоставительным значением (рус. *как... так и; не столько... сколько*; кит. 不仅...而且 ‘не только... но и’; 即...又 ‘и... и’), объединяющие два однородных члена, которые сопоставляются друг с другом, в каком-либо отношении сравниваются, причем значение это передается часто с помощью градации;

в) союзы с добавочным значением (рус. *также... а также... и также*; кит. 并且 ‘и’; 也是 ‘также’).

Акцентирующие союзы служат для соединения однородных членов предложения или нескольких частей в составе сложного предложения, используются для связи предложения с предыдущим текстом, выражают добавление новой информации к уточняющейся теме.

4.3. Многочленные конструкции с дескриптивно-характеризующим значением. Данные конструкции (18,92 % в РВ и 20,18 % в КВ) уточняют мысль, указывая на специфические свойства и особенности объекта речи. «Хотя такие фразы содержат много оценочных прилагательных, но, в отличие от акцентуаторов микрополя оценки, не столько выражают отношение говорящего, сколько передают полноту мысли» [7, с. 158]: рус. *Китай – страна с многовековой историей, богатейшей культурой, философией. Это уникальные памятники, изысканная кухня и древнее искусство врачевания* (Р-В6, с. 69); кит. 打击这股恶势力是国际反恐斗争不可分割的组成部分, 符合地区各国的共同利益 ‘**Борьба с этим злом – это неотделимая составляющая международной антитеррористической борьбы**, которая отвечает общим интересам стран региона’ (КВ-10).

5. Микрополе категоричности/некатегоричности изложения. Анализ языкового материала позволил выявить 7,65 % единиц, выражающих категоричность/некатегоричность изложения в РВ, и 5,77 % в КВ. Функция категоричности/некатегоричности изложения заключается в «выражении объективности излагаемого» [5, с. 121].

Модальное значение категоричности создается с помощью различных лексико-грамматических средств (69,91 % в РВ и 62,9 % в КВ), в частности:

а) модальных слов и словосочетаний с семантикой уверенности говорящего в истинности высказываемого, выступающие в роли вводных слов (рус. *бесспорно, безусловно, несомненно*; кит. 当然 ‘конечно’, 毫无疑问 ‘вне (без) всякого сомнения’, 理所当然 ‘разумеется’, 自然的 ‘естественно’ и др.): рус. *И, конечно, мы всегда будем помнить подвиги героев Великой Отечественной войны* (РВ-9, с. 105); кит. 毫无疑问, 俄罗斯是共建 «一带一路» 构想最重要的国家之一 ‘Россия, **бесспорно**, является ключевой страной в деле совместного строительства «одного пояса и одного пути»’ (КВ-9);

б) глаголов, кратких прилагательных и причастий с семантикой уверенности, убежденности, несомненности, выполняющих функцию сказуемого или выступающих в роли вводных слов (рус. *уверен, убежден, не сомневаюсь*; кит. 丝毫不动摇 ‘ни на минуту не сомневаюсь’, 丝毫不改变 ‘ничуть не изменилась’ и др.);

в) модальных слов с семантикой долженствования и необходимости, входящих в состав сказуемого (рус. *мы все должны понимать...; надо сказать...; необходимо активизировать... и др.*; кит. 要 ‘надо’, 必须 ‘необходимо’, 绝不 ‘нельзя’ и др.): рус. *Необходимо шире использовать режим особых экономических зон, которые создаются с целью приоритетного развития высоких технологий в России* (РВ-5, с. 13); кит. 要提倡对主要储备货币发行经济体宏观经济政策和主权信用评级机构的监督 ‘**Надо** усилить надзор за макроэкономической политикой государств, выпускающих основные резервные валюты, и суверенными кредитными рейтинговыми агентствами’ (КВ-11).

Модальное значение некатегоричности (30,09 % в РВ и 37,1 % в КВ) создается с помощью следующих средств:

а) модальные слова с семантикой неуверенности, в частности предположения и сомнения, выступающие в роли вводных слов (рус. *возможно, вероятно, наверное, пожалуй, кажется*; кит. 或许 ‘возможно’; 可能 ‘вероятно’ и др.);

б) глаголы и прилагательные соответствующей семантики, выступающие в роли сказуемых: (рус. *можно предположить, мне кажется, сомневаюсь*; кит. 无法确定的是 ‘не могу утверждать’, 假设 ‘я предполагаю’ и др.);

в) частицы *вроде, как бы,或许 ‘будто’,哪怕 ‘хоть’* с семантикой предположения, рус. *Дело – за политическим решением самой России. А оно **может быть** основано только на воле народа, потому что только народ является источником любой власти* (РВ-4, с. 7); кит. 其实,他们并没有什么过高的期望,只希望人们能给他们一点友善和爱而已,或许只是一个拥抱,或许只是和他聊上几分钟,哪怕是一次握手或一个微笑,也会使他们在荒漠般的人生中看到一线生机 ‘А на самом деле они не желают большего, **лишь чуть** добра и любви к ним, а **может быть** только объятие или болтание несколько минут. **Хоть** одно рукопожатие или одна улыбка дает им надежду на жизнь’ (КВ-23).

Выводы

Категория акцентности в русском и китайском политическом дискурсе формируется пятью микрополями. В сопоставляемых дискурсах присутствуют языковые средства выражения оценки суждения, усиления убедительности высказывания, активизации внимания адресата, уточнения используемых формулировок, а также категоричности либо некатегоричности изложения, что соотносится с выделенными микрополями категории акцентности. Место каждого микрополя в общем категориальном поле акцентности определяется прагматическими факторами, в частности спецификой политического дискурса.

Каждое микрополе имеет особую структуру, образуемую специфическим набором ядерных и периферийных акцентуаторов. Микрополе оценки в политическом дискурсе формируется оценочной лексикой (прилагательными, наречиями, существительными), компаративами и суперлативами, фразеологизмами, метафорическими выражениями. Усиление убедительности высказывания в обоих языках осуществляется за счет использования интенсифицирующих частей речи, повторов, выражений-интенсивов, компаративов и суперлативов, коллокаций. Активизация внимания слушателя происходит благодаря использованию языковых средств диалогичности, вопросительных предложений, модально-оценочных конструкций, инверсии, языковых средств логичности изложения. Уточнение используемых формулировок предполагает употребление уточняющих союзов, наречий и частиц, многочисленных конструкций с дескриптивно-характеризующим значением. К средствам выражения категоричности/некатегоричности относятся модальные слова (глаголы, прилагательные, частицы) и словосочетания с семантикой уверенности, убежденности, долженствования, необходимости или неуверенности соответственно.

В распределении акцентирующих языковых единиц по названным микрополям наблюдаются определенные закономерности. Так, оценка проявляется преимущественно на лексическом уровне, а активизация внимания адресата – на синтаксическом. Прилагательные используются главным образом как средство оценки, а наречия чаще всего употребляются в микрополе усиления. Союзы, как правило, выражают уточнение, а частицы характерны для экспликации категоричности.

Микрополя категории акцентности не существуют изолированно: они взаимодействуют, дополняют и усиливают значения друг друга. Проявлением этой специфической характеристики служит наличие акцентуаторов, которые одновременно выполняют несколько функций, входят сразу в несколько микрополей. Чаще всего акцентуаторы оценки выполняют также усилительную функцию, привлекают внимание аудитории. Компаративы и суперлативы принадлежат к микрополю оценки и в то же время относятся к микрополю усиления. Кроме того, наблюдается пересечение микрополя усиления с микрополем категоричности (такие усилительные наречия, как *абсолютно, действительно, совершенно* выражают одновременно усиление значения и категоричность).

Хотя в выступлениях российских и китайских политиков частотность использования акцентуаторов различается, устройство поля акцентности в сопоставляемых дискурсах сходно. Это проявляется в том, что и в русском, и в китайском политическом дискурсе доминируют акцентуаторы оценки и усиления. Вероятно, объяснить этот факт можно тем, что в обеих культурах описание эмоционального состояния и отношения к предмету речи является важным средством воздействия на аудиторию. Различия касаются статистических закономерностей и заключаются в частотности употребления акцентуаторов. Так, использование союзов, наречий и частиц в большей мере характерно для русских текстов, а в китайских выступлениях заметно преобладают акцентирующие метакоммуникативные конструкции. Это объясняется типологическими свойствами русского и китайского языков: в русском языке одно слово (часть речи) может выражать значение целого предложения, но в китайском языке один иероглиф не имеет определенной значимости, поэтому для китайского политического дискурса характерно преобладание комплексных выражений.

Выявление количественных и функциональных особенностей акцентирующих языковых средств показало, что, несмотря на разграничение микрополей категории акцентности, между ними наблюдается тесная связь. В свою очередь, изучение отдельных микрополей позволило выявить указанные выше закономерности структурно-семантической организации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе.

Сокращения

КВ-1 – Выступление Председателя КНР Ху Цзиньтао на V Петербургском международном экономическом форуме [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t307525.htm> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-2** – Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wjzc/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-3** – Выступление посла КНР на презентации фотоальбома «Помнить историю, защищать мир – в честь 70-й годовщины Победы над фашизмом» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-4** – Полный текст речи Си Цзиньпина на форуме «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-5** – Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече с российскими ветеранами [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zhuayaozhize_russ/ (дата обращения: 29.08.2016); **КВ-6** – Полный текст выступления Си Цзиньпина на юбилейном торжестве по случаю 70-летия Победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и мировой антифашистской войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-7** – Речь председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия саммита «Группы двадцати» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-8** – Выступление Председателя КНР Цзянь Цзэминь на саммите по взаимодействию и мерам доверия в Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/jzfw/>; **КВ-9** – Выступление Вэнь Цзябао на симпозиуме в рамках LXV сессии ГА ООН, посвященном вопросам реализации Целей развития тысячелетия и борьбе с ВИЧ/СПИДом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/> (дата обращения: 30.08.2016); **КВ-10** – Выступление посла КНР в Московском государственном университете путей сообщения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-11** – Речь на V министерском заседании АТЭС по вопросам развития человеческих ресурсов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/> (дата обращения: 30.08.2016). **РВ-1** – Выступление Президента России В. Путина на церемонии открытия Года Китая в России // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 153–164; **РВ-2** – Выступление на церемонии открытия памятника Сергею Михалкову // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 47–53; **РВ-3** – Выступление на параде на Красной площади 9 мая 2014 года // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 70–75; **РВ-4** – Выступление В. Путина на церемонии подписания договора о принятии Крыма в состав РФ // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 2–7; **РВ-5** – Выступление В. Путина на митинге в Лужниках в 2012 году // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 12–17; **РВ-6** – Выступление на Открытии Года китайского туризма в России // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 68–70; **РВ-7** – Выступление на заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 18–23; **РВ-8** – Выступление В. Путина на Российско-китайском экономическом форуме деловых кругов // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 60–66; **РВ-9** – Поздравление москвичей с Днем города // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 98–108.

Библиографические ссылки

1. Чжао Наньнань. Лингвистические традиции изучения категории акцентности // Весн. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2017. № 1. С. 106–110.
2. Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филол. науки. 1992. № 3. С. 78–90.
3. Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10. Пермь, 1988.
4. Жерновая О. Р. Компаративы как средство интенсификации высказывания в художественном тексте // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2000. № 1. С. 222–228.
5. Иванова Т. Б. Категория акцентности // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 120–126.
6. Борисова Е. Г., Захарова О. В. Фразеологическое значение в устойчивых словосочетаниях // Филол. науки. 1994. № 4. С. 77–84.
7. Чжао Наньнань. Акцентуаторы микрополя уточнения в русском и китайском политическом дискурсе // Мова і літара-тура : матэрыялы 74-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 27 крас. 2017 г.). Мінск, 2017. С. 156–159.
8. Мануйлова Е. О. Прагматические возможности выражения метакоммуникативного компонента // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер.: Соврем. лингвист. и метод.-дидакт. исслед. 2012. № 18. С. 144–153.

References

1. Zhao Nannan. Linguistic traditions of the accent category studies. *Vesnik BDPU. Ser. 1, Pedagogika. Psihologija. Filalogija* [BSPU Bulletin. Ser. 1, Pedagogy. Psychology. Philology]. 2017. No. 1. P. 106–110. (in Russ.).
2. Gak V. G. [Contrastive – comparative pragmatics]. *Filol. nauki* [Philological sciences]. 1992. No. 3. P. 78–90 (in Russ.).

3. Ivanova T. B. [Functional Semantic and Stylistic Accent Category in Russian Scientific Texts] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.10. Perm, 1988 (in Russ.).
4. Zhernovaya O. R. Comparatives as a means of intensification in a literary text. *Vestnik Nizhegorod. gos. univ. im. N. I. Lobachevskogo*. [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. 2010. Issue. 1. P. 222–228 (in Russ.).
5. Ivanova T. B. [Accent category]. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedical dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. P. 120–126 (in Russ.).
6. Borisova E. G., Zakharova O. V. [Phraseological meaning in set phrases]. *Filol. nauki*. [Philological sciences]. 1994. No. 4. P. 77–84 (in Russ.).
7. Zhao Nannan. [Accentuators of the specification micro-field in Russian and Chinese political discourses]. In: *Mova i literatura* [Language and literature] : mater. of the 74th sci. conf. of students and postgraduate students of the faculty of philol. of Belarus. State Univ. (Minsk, 27 April, 2017). Minsk, 2017. P. 156–159 (in Russ.).
8. Manuilova E. O. [Pragmatic Possibilities of Metacommunicative Component Expression]. *Nauchn. vestnik Voronezh. gos. arkh.-stroit. univ. Ser.: Sovrem. lingvist. i metod.-didakt. issled.* [Scientific herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodological and didactic research]. 2012. No. 18. P. 144–153 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.12.2017.
Received by editorial board 22.12.2017.